

Не все так плохо в российской стратегии в Сирии

ПОНАРС Евразия

Аналитическая записка № 248

Апрель 2013

Павел Баев,

Институт исследований проблем мира, Осло

Российская позиция по гражданской войне в Сирии подвергалась такой уничтожающей критике в западной прессе и была разоблачена как сугубо ошибочная в таком массиве аналитических работ, что попытка вернуться к этой теме может показаться бессмысленной и бестактной. Нельзя однако не признать, что заведомо проигрышная позиция России оказалась вполне устойчивой. Выступив вразрез господствующему на Западе мнению, Россия смогла добиться немалых успехов в сложных дипломатических маневрах вокруг этой гуманитарной катастрофы. Представляется небесполезным в этом контексте оценить заново то сочетание интересов и амбиций, которое определяет российский курс, с тем, чтобы получить представление о его пересмотре после вероятного поражения режима аль-Ассада. Автор не ставит целью превозносить государственную мудрость президента В. Путина в выработке этого курса, но попытается оценить вклад этих разногласий в провал «перезагрузки» и переход российско-американских отношений в нынешнее подвешенное состояние.

Первая реакция России

Взрыв недовольства в арабском мире в начале 2011 года захватил российское руководство врасплох точно так же, как и политиков в Вашингтоне, Париже или Риме. Источником беспокойства в Москве были не угрозы безопасности в непосредственной близости к границам или устойчивость дружественных режимов, а новое явление «призрака революции». В Кремле надеялись, что поражение Грузии в августовской войне 2008 года и провал «оранжевой» коалиции на выборах в Украине в январе 2010 года покончили с угрозой «цветных революций». С наступлением «арабской весны» эта угроза заявила о себе с новой силой, которая могла вызвать сильный резонанс на пост-советском пространстве. Решимость Москвы взять на себя лидерство в противостоянии новой революционной волне подкреплялась опасениями цепной реакции разрушения государственности, которые коренились в печальном опыте чеченских войн.

Эта идеологизированная позиция учитывала уроки, вынесенные из военного конфликта в Ливии, в котором США и НАТО с легкостью превысили мандат, зафиксированный в резолюции 1973 Совета Безопасности ООН, и добились

свержения режима Муамара Каддафи. Путин возложил вину за этот провал на небогатые плечи Дмитрия Медведева, который занимал тогда пост президента, но не упустил возможности резко выступить против западной интерпретации доктрины «гуманитарной интервенции».

С самого начала народного восстания в Сирии Москва начала доказывать, что этот конфликт должен рассматриваться не как жестокие репрессии против мирного населения, а как гражданская война, которая может быть прекращена только путем переговоров под международным наблюдением. Эта позиция имела под собой серьезные основания, но по существу являлась игрой на две рискованные ставки. Во-первых, она предполагала, что режим Башара аль-Ассада устоит перед революционной волной и будет способен успешно вести боевые действия против оппозиции при отсутствии внешней интервенции. Во-вторых, она исходила из того, что США и НАТО не решатся осуществить вооруженную интервенцию без мандата ООН (который не будет выдан ни при каких условиях). По положению на конец апреля 2013 года, обе ставки оказались беспроигрышными.

Потери и приобретения на Ближнем Востоке

Тезис о том, что поддерживая заведомо проигрывающую сторону в сирийской войне Россия подорвала свой международный престиж и утратила влияние на Ближнем Востоке, может показаться самоочевидным. У Москвы, тем не менее, есть все основания подводит баланс потерь и приобретений совсем иначе. Заняв твердую контр-революционную и анти-интервенционистскую позицию, Россия действительно осложнила отношения со странами, прошедшими через революции, включая Египет, но правительства в этих странах столь неустойчивы, что попытки выстраивать долговременные связи обречены на неуспех. Усилились трения с монархиями Персидского залива, и министр иностранных дел Сергей Лавров ощутил это в полной мере во время визита в Саудовскую Аравию в ноябре 2012 г., но эти страны никогда и не были дружественными, да и легитимность нефте-шейхов оказалась скомпрометированной с наступлением «арабской весны». Самым неприятным последствием для Москвы стали глубокие разногласия с Турцией, которая выступила главным спонсором анти-Ассадовской коалиции. Путину пришлось мобилизовать весь потенциал личных отношений с премьер-министром Эрдоганом для того, чтобы добиться согласия на вынесение этих разногласий за скобки обсуждения вопросов экономического сотрудничества.

Важной посылкой, которая придает осмысленность российской политике, во всяком случае в глазах ее авторов, является неотвратимость хаотического развала государства в случае свержения режима аль-Ассада. С каждым месяцем гражданской войны эта посылка выглядит более основательной. По мере эскалации междоусобных столкновений с неизбежностью усиливается радикализация оппозиционных группировок, что, естественно, серьезно беспокоит Израиль. Правительство Беньямина Нетаньяху не выражало никакого энтузиазма по поводу прихода «арабской весны», а сейчас ему приходится рассматривать вариант возникновения на территории Сирии исламского государства. Для Москвы же окончательное поражение аль-Ассада, который в сущности уже списан со счетов как полезный союзник, будет означать не

поражение в затаенной игре, а подтверждение правильности официально заявленных оценок риска.

Отдельный сюжет в сложносочиненном сирийском конфликте касается российских энергетических интересов на Ближнем Востоке, охватывающих с различной степенью вовлеченности и малоразведанные газовые месторождения на шельфе Кипра, и совместные нефтяные проекты в Ираке, и строительство атомных станций в Турции. Резкие разногласия с Катаром по поводу Сирии парализовали работу Форума стран-экспортеров газа, но эта рыхлая квази-организация в сущности и не имела шанса превратиться в «газовую ОПЕК». Россия в такой же степени не в состоянии осмыслить революционные перемены на мировых энергетических рынках, как и монархии Персидского залива, и противоречия, связанные с Сирией, препятствуют координации планов ведущих производителей нефти и газа. Оценки рисков, исходящих из Сирии, приводят руководство в Москве к проблематичному выводу о том, что только распространение хаоса, включая нагнетание конфронтации вокруг иранской ядерной программы, может спасти российскую нефте-экономику от сползания в длительную рецессию.

Реальные и воображаемые связи с внутренней нестабильностью

Революционная динамика на Ближнем Востоке вызвала весьма слабый резонанс в пост-советской Евразии, даже в мусульманской части Средней Азии. Поэтому твердая контр-революционная лития Путина не произвела большого впечатления на диктаторов, давно утвердившихся у власти в странах этого региона. Они в общих чертах согласны с необходимостью противостоять западным попыткам разжигания революций и инициирования интервенций в поддержку мятежников, оказавшихся на грани поражения. При этом они готовы признать за Россией лидерство в блокировании таких попыток.

Путин стремится превратить этот неустойчивый консенсус в инструмент реализации своего замысла строительства «Евразийского союза», но его лидерство подрывается нарастанием политической нестабильности в России. Деградация силовых структур никак не связана с событиями на Ближнем Востоке, а связана преимущественно с расцветом коррупции, но их ненадежность стала важным фактором в установлении внешнеполитических ориентиров. В этой искаженной политической перспективе твердая линия против внешней интервенции в Сирии становится не только направлением борьбы за право диктаторов держать народы в повиновении любыми средствами, но и частью усилий Путина преодолеть кризис своего режима путем подавления оппозиции. Масштабы репрессий против демонстрантов и виртуальных «подрывных элементов» пока остаются ограниченными, но убежденность Путина в том, что Запад финансирует этих «агентов» подкрепляет его готовность не считаться с критикой со стороны США и ЕС по поводу свертывания в России демократических свобод.

При всей исключительной важности Чечни в российской политике (аналитик Фиона Хилл называет этот ракурс проблемы ключевым в своей статье [«Реальная причина поддержки Путиным режима Асада: перепутав Сирию с](#)

Чечней»),¹ Москва уделяет крайне мало внимания трансформации вяло-текущей гражданской войне на Северном Кавказе, которая является естественной точкой отсчета при анализе сирийской ситуации. Российские власти все еще рассчитывают «умиротворить» Дагестан и другие республики в ходе контр-террористических операций, но сетевые структуры сопротивления обретают новую идентичность как каналы распространения политического ислама, что придает им значительно более высокую легитимность по сравнению с функцией «ячеек» аль-Каиды.

Существуют ли возможности для сотрудничества?

Оценка воздействия сирийского кризиса на отношения России с Западом не может сводиться только к исследованию глубины непреодолимых разногласий. Так например, никакого прогресса по сирийскому вопросу не было достигнуто в ходе визита Лаврова и Министра обороны Сергея Шойгу в Лондон в марте 2013 г., но этот шаг в налаживании «стратегического диалога» привел к общему улучшению отношений, которые оставались напряженными с конца 2000-х годов. Точно так же госсекретарь США Джон Керри не добился сближения позиций по Сирии на встрече с Лавровым в конце февраля 2013 г., но оба министра сочли разговор полезным для улаживания недоразумений в российско-американских отношениях. У Москвы таким образом есть все основания полагать, что принципиальная позиция по Сирии обеспечила России центральное место на международной арене и заставила западных партнеров относиться с должным вниманием к российскому мнению, какое бы раздражение они ни демонстрировали.

Главный вопрос в оценке этих разногласий заключается в том, стали ли российские возражения против возглавляемой США «гуманитарной интервенции» (с целью защиты мирного населения и прав человека) рычагом ее предотвращения или поводом для того, чтобы избежать вмешательства в сложнейшую гражданскую войну? Москва все больше склоняется ко второму варианту ответа, который вписывается в общую геополитическую картину, в которой ЕС полностью занят внутренними проблемами, порожденными его финансовым кризисом, ослабленная НАТО разбирается с последствиями поражения в Афганистане, а США остаются в нерешительности, поскольку цена еще одной интервенции, связанной с применением наземных сил, является запретиельно высокой.

В таких оценках присутствует немалая доза благих пожеланий, но общий вывод заключается в том, что Вашингтон и Брюссель не в состоянии дать содержательный ответ на вызов сирийского кризиса (кроме проведения «красной черты», воспреещающей применение химического оружия), но демонстрируют осуждение российского «упрямства». Западные державы готовы «фиксировать разногласия» пока война идет своим чередом, обвиняя Россию в бездействии и блокировании международных инициатив, в то время как Москва будет обвинять Запад в недальновидной поддержке революций, которые приносят только хаос и развал государственности. В таком варианте взаимодобного обмена обвинениями

¹ <http://www.foreignaffairs.com/articles/139079/fiona-hill/the-real-reason-putin-supports-assad>

периодически возникающие надежды на то, что Россия смягчит свою позицию и решит стать частью решения сирийской проблемы, сугубо бесосновательны.

Москву мало беспокоит перспектива оказаться в изоляции из-за обвинений в поддержке режима аль-Ассада. Напротив, преобладает уверенность в том, что незаменимость России на мировой арене доказана с такой очевидностью, что Запад вынужден относиться к ней с большим уважением. Ясно выраженное стремление администрации Обамы к новым продвижениям в области контроля над вооружениями и к углублению политического диалога (что можно назвать новым изданием «перезагрузки») воспринимается в Кремле, как часть этого доказательства. Пока неясно, окажется ли частичное устранение камня преткновения в виде европейской системы ПРО достаточным для продвижения к новым договоренностям, и первая реакция Путина на предложения Обамы выглядит малообещающей.

Сближение позиций по Сирии маловероятно, поскольку Россия стремится доказать, что курс США ведет только к катастрофе. Москва не может надеяться на выигрыш при таком развитии событий, но полагает, что потеря последнего государства-клиента не будет таким уж серьезным минусом для интересов России, и при этом он будет более чем перевешиваться теми минусами для интересов США, которые возникнут в ходе провальной попытки организовать «смену режима».

Последствия бездействия

Заняв твердую позицию против международной интервенции в сирийскую гражданскую войну, Россия, по мнению большинства ее политиков, повысила свой глобальный престиж и закрепила свою роль «незаменимой державы». При этом ей не пришлось предпринимать активных действий, не считая проведения военно-морских учений в Восточном Средиземноморье (такие «демонстрации флага», впрочем, далеко превосходят боевые возможности ВМС большинства европейских стран). Российское руководство по всей видимости серьезно недооценивает раздражение, накопившееся на Западе. При этом оно может переоценивать свой авторитет в глазах Китая, который тоже выступает против западного интервенционизма, но предпочитает уступить России роль главного оппонента и все проблемы, связанные с ее реализацией (похожее отношение демонстрируют многие «растущие державы», включая Бразилию и Индию). Москва настроена решительно игнорировать анти-ассадовскую линию Лиги арабских стран, но весьма озабочена трениями с Турцией, и будет предпринимать новые усилия по ограничению ущерба для этого ценнейшего стратегического партнерства по мере дальнейшего развития кризиса.

Россия стремится продемонстрировать, что якобы единая позиция Запада по сирийскому кризису является на самом деле смешением бездумной симпатии к «демократическим» революциям, лицемерной заботы о правах человека, при отсутствии готовности принимать на себя ответственность за их защиту, и исчезающего американского лидерства. Такая позиция может быть удовлетворительной до тех пор, пока отложенный, но неизбежный крах режима аль-Ассада не приведет в самом деле к развалу сирийской государственности и возникновению зоны хаоса, откуда исламский радикализм будет распространяться

в каждый очаг напряженности, включая Северный Кавказ, остающийся острейшей угрозой безопасности России.

Эта перспектива выявляет главный изъян в позиции России: то удовлетворение, которое ее руководство находит в подтверждении обоснованности своего неприятия революций, будет с неизбежностью испорчено необходимостью разбираться с последствиями бездействия. Выяснение отношений может быть увлекательным и длительным процессом, но существует реальное совпадение интересов России и США в том, чтобы предотвратить появление злокачественной зоны затяжных конфликтов на геополитическом перекрестке, который сейчас еще занимает Сирия. Это совпадение интересов безопасности сохраняет оптимистическую перспективу возобновления сотрудничества после того, как станет очевидной бесплодность взаимных блокировок.

Elliott School of
International Affairs

THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY

PONARS ● NEW APPROACHES
● TO RESEARCH AND
E U R A S I A ● SECURITY IN EURASIA

© PONARS Eurasia 2013. Данный текст основан на аналитической записке на английском языке с тем же номером. ПОНАРС Евразия представляет собой международную сеть ученых, разрабатывающих новые подходы к изучению проблем внутренней и внешней политики, безопасности и сотрудничества в России и Евразии. ПОНАРС Евразия базируется в [Институте исследований Европы, России и Евразии \(IERES\)](#) Школы международных отношений им. Эллиотта Университета Джорджа Вашингтона. Публикация осуществлена при поддержке грантов Корпорации Карнеги в Нью-Йорке и Фонда Джона Д. и Кэтрин Макартуров. www.ponarseurasia.org